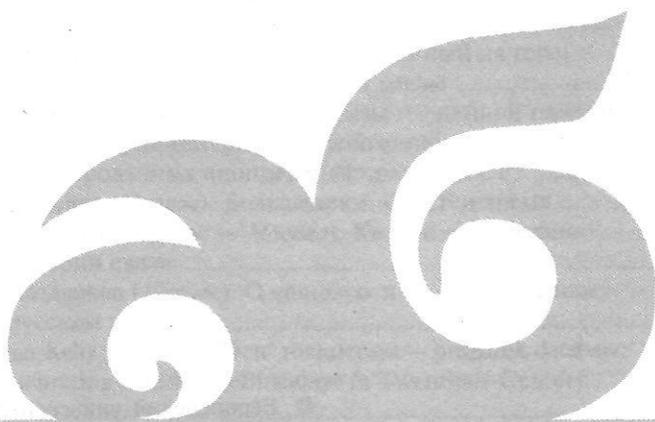

**Сборник статей к 60-летию
Альберта Кашфулловича
Байбурина**

STUDIA
ETHNOLOGICA

АБ.60

**Санкт-Петербург
2007**

М.Л. Лурье, А.А. Сенькина

Петербург

Песни саратовских детдомовцев в записи Петра Козина (1921)

Текст и комментарий

Мы хотим посвятить юбилею Альберта Кашфулловича Байбурина публикацию одной рукописи, обнаруженной нами среди материалов архива Краеведческого музея в г. Саратове. Этот документ, согласно записи на архивном деле, представляет собой «песни и небольшой доклад об этих песнях[,] записанных в детском доме им. Достоевского, студентом Универс[итета] Козиним в 1921 году».¹

Несколько слов об авторе этой рукописи² и обстоятельствах ее появления. Петр Михайлович Козин родился в 1899 г. в семье священника. В 1915 г. он начал обучение в четырехклассной духовной семинарии, где проучился два года, а в 1918 г. поступил на педагогический факультет Саратовского университета, который и окончил в 1925 г. с дипломом преподавателя истории. Педагогическую деятельность Петр Михайлович начал еще во время учебы в университете. На первом курсе (1918–1919 гг.) он работал учителем начальной школы в селе Полчаниновка, с 1920 по 1923 годы — воспитателем в детском доме имени Достоевского, с 1924 по 1931 годы преподавал историю в одной из средних школ Саратова, с 1931 по 1936 — на медрабфаке университета.

С 1919 по 1924 гг. в Саратовском университете был деканом и читал лекции по этногра-

¹ Научный архив № 49 Саратовского областного музея краеведения, оп. 1, ед. 38.

² Биографические данные о П.М. Козине взяты нами из его «личного листака по учету кадров», заполненного в 1936 г. (Научный архив Саратовского областного музея краеведения, оп. 2, ед. 10, лл. 79–80). Сведений о его дальнейшей жизни нам, к сожалению, не удалось получить к моменту подготовки настоящей публикации.

фии и народному творчеству молодой московский профессор Борис Матвеевич Соколов (о саратовском периоде деятельности ученого см.: Акимова и др. 1984; Бахтина 2000: 217–224). Он же возглавлял этнографический отдел в Саратовском обществе истории, археологии и этнографии (ИСТАРХЭТ), организовывал и проводил фольклорно-этнографические экспедиции, к участию в которых привлекал большое количество университетских студентов. Несмотря на то, что с 1929 по 1931 гг. Козин был ответственным секретарем Саратовского общества краеведов, а с 1935 года стал научным сотрудником краеведческого музея, он, в отличие от некоторых других саратовских учеников и молодых сотрудников Б.М. Соколова (таких, как Т. Акимова, В. Крупянская, М. Маркелов, М. Советов, П. Степанов и др.), не стал впоследствии видным ученым своего времени. Его главным вкладом в науку остались многочисленные предметы народного быта и фольклорные тексты, собранные в ходе полевой работы, которой профессор Соколов придавал первостепенное значение.

Однако наиболее своеобразным собирательским опытом Петра Козина остается запись песен от своих подопечных «детей улицы». В 1920-е гг. в Саратове одновременно работало несколько воспитательных учреждений для бездомных детей и сирот, но детский дом им. Достоевского отличался тем, что был предназначен для содержания и исправления «трудновоспитуемых» подростков. Здесь невозможно не вспомнить знаменитую республику Шкид, населенную тем же контингентом и обязанную своим звучным именем тому же великому писателю. Судя по всему, такое совпадение не случайно: оба учреждения, петроградское и саратовское, входили в общую сеть детдомов-школ, которая была создана в начале 1920-х гг. с целью массового перевоспитания «дефективных», как их тогда называли, подростков (заметим, кстати, что один из будущих авторов «Республики Шкид» Леонид Пантелеев, а на тот момент тринадцатилетний беспризорник Алексей Еремеев, попал в школу имени Достоевского в том же 1921 году). Пользуясь случаем, Козин записал от своих воспитанников песни, которые они пели, и подготовил о них небольшой доклад. Не исключено, что сделал он это по совету своего университетского наставника, которому, как и многим ведущим фольклористам той эпохи, был отнюдь не чужд интерес к городской народной культуре.

Подобно многим другим саратовским студентам профессора Соколова, Петр Козин был одновременно и участником его воскресного этнографического семинара при ИСТАРХЭТ. К одному из заседаний семинара, вероятно, и готовилось сообщение о песнях беспризорников (состоялось оно или нет — мы не знаем). Думается, что не в последней степени благодаря этому обстоятельству папка с рукописью студента Козина не затерялась где-нибудь

на кафедре, а была передана самим собирателем в Этнографический музей Саратовского края, созданный тем же Соколовым в 1920 г., и сохранилась в фондах нынешнего Саратовского областного музея краеведения среди материалов соколовских фольклорно-этнографических экспедиций начала 1920-х гг.

Песни, записанные Козиным, в основном относятся к воровскому жанру. О некоторых из них ничего не известно, возможно, что это — их единственная фиксация, для других песен настоящая запись является самой ранней из опубликованных к настоящему моменту, третьи — широко известны, неоднократно встречались фольклористам в XX веке, и не только в воровской среде. Подборка текстов весьма показательна в том плане, что на ее материале можно проследить процессы, характерные для городской песни в 1920-е годы. Это попадание городских жестоких романсов в криминальную среду и, наоборот, освоение городской и крестьянской традицией воровских песен; бытование текстов литературного происхождения; заимствование одной формулы песнями разных жанров и т. д.

По-своему не менее интересен небольшой очерк о воспитанниках детского дома, написанный собирателем по материалам бесед со своими подопечными, а также его комментарии к песням. Исходя из наивного (но, заметим, очень устойчивого) представления о том, что фольклор непосредственно отражает действительность, ставя знак равенства между лирическим героем песни и ее создателем или исполнителем, Козин на основании текстов воровских и тюремных песен как бы реконструирует быт и сознание преступников. Заметим, что такой взгляд, в частности, на песни беспризорников был вообще характерен для науки и педагогики 1920-х гг. — см., например, характерное название одной из глав в книге М.И. Левиной: «Песня беспризорного, как отражение его быта» (Маро 1925: 201–231).

Рукопись, включающая доклад Петра Козина и тексты десяти записанных им песен, публикуется в том виде, в котором она сохранилась в архиве, то есть полностью без одного отсутствующего листа. Примечания, сделанные собирателем, приводятся с сохранением их нумерации в рукописи, непосредственно в тексте публикации: к докладу (у Козина они записаны на оборотах листов) — курсивом сразу после цифры сноски, к песням, как и в автографе — после каждого текста. Орфография и пунктуация источника сохранены полностью (в случаях очевидных пропусков недостающие буквы или слова дописаны в квадратных скобках прямо в тексте). В постраничных сносках приводятся зачеркнутые или переправленные фрагменты или даются другие примечания текстологического характера. Комментарии содержат замечания о среде бытования песни, возможном времени происхождения, особенностях варьирования, указание на литературный или фоль-

клорный источник текста, отдельных его строф и строк или на текстовые соответствия в других песнях. Эти сведения и соображения сопровождаются ссылками на наиболее представительные научные издания жестоких романсов, тюремно-воровских песен и песен литературного происхождения, в отдельных случаях — на другие публикации и архивные материалы. В комментариях также сообщаются сведения об упоминаемых в текстах песен реалиях жизни криминального сообщества, городских объектах, поясняются значения жаргонных и устаревших слов (из пояснений Козина к словам воровского арго продублированы только те, которые представляются неточными или недостаточными).

Авторы сердечно благодарят саратовских фольклористов Андрея и Анастасию Боровских и сотрудников Саратовского областного музея краеведения, которые обеспечили доступ к материалам архива и создали прекрасные условия для работы с ними, а также А.Ф. Белоусова и А.С. Башарина, оказавших большую помощь в сборе данных для комментария.

Воровские песни, зап. в д. доме им. Достоевского Петр Козин

В настоящем докладе я хочу сделать небольшое сообщение о песнях, записанных мною со слов воспитанников д/дома, в котором я в настоящее время служу. Песни эти, конечно, не являются продуктом творчества детей,³ они были ими заимствованы из среды социальных подонков общества, среди которых вращались дети, некоторые же из них⁴ носят характер общераспространённых. Я главным образом заинтересовался воровскими песнями,⁵ характеризующими до некоторой степени быт жуликов и воров и отчасти их мирозерцание.

Прежде, чем сообщить эти песни, я несколько⁶ познакомлю слушателей с самими детьми.⁷ Дети⁸ в большинстве случаев очень испорченные, почему наш детский дом, принявший их и называется «д/дом нравственно-дефективных детей».⁹

³ Далее зачеркнуто: *все эти; большинство из них*

⁴ Переправлено, было: *другие же*

⁵ Переправлено, было: *песнями первыми*

⁶ Далее зачеркнуто: *осведомлю*

⁷ Далее зачеркнуто: *Большинство*

⁸ Переправлено, было: *детей; далее зачеркнуто: сироты*

⁹ Далее вычеркнут большой фрагмент текста (отдельные исправления внутри него отмечены в квадратных скобках): *По рассказам детей видно, что [сверху вписано и зачеркнуто: некоторым из них] родители их по обыкновению страдали всеми последствиями своей жизни, наполненной сплошь да рядом преступлениями. Сидели по тюрьмам [предложение не закончено, после него оставлено место, текст продолжается на следующем листе] Песни, записанные мною*

Большинство¹⁰ из них сироты, родители которых по их рассказам, обыкновенно люди страдавшие алкоголизмом, наполнили¹¹ их ранее детство раздирающими картинами ссор и тяжелых сцен. Отец обыкновенно зол и бил, мать же наоборот за малыши и незначительными исключениями, добра и оставляла в глубине души ребенка хорошее доброе чувство. Те мальчики, у которых остались живы еще матери, пишут им письма и в минуту задумчивости, иногда рассказывают о своей семейной жизни. Но надо сознаться, редко приходится иметь возможность вызвать воспитанника на откровенность. Слишком уж глубоко в нем скрыты детские сердечные воспоминания, а некоторыми даже совсем забыты и детская застенчивость и всякие проблески лучшаго чувства к окружающим. В Д/Доме имеют пристанище дети-мальчики с 11 л. до 15 и даже 16 лет. Попадают они сюда обыкновенно за воровство, а иногда просто за буйный характер.¹² Одни переводятся из нормальных приютов, другие прямо с улицы и даже тюрьмы. Все почти дети улиц — воры, за некоторыми исключениями — нищие. К слову сказать воспитанники д/дома нищих терпеть не могут и уживется с ними только тот, который к своей нищенской профессии прибавит еще воровскую. Дети попавшие с улицы обыкновенно уже все испорченные и не раз уже попадались на воровстве и даже сидели в уголовной¹³ или тюрьме.

Совсем немного детей, имеющих родину в местном крае, большинство из них собрались со всех концов России, начиная с Латвии, Петербурга и кончая Волынской губернией, Кавказом и Одессой. Особенно много детей-беженцев западных губерний, выгнанных из родных мест войной.¹⁴

До поступления в наш приют эти дети были, или в других нормальных приютах, или и взяты с улицы за воровство и даже отбывших наказание в тюрьме.

Первые дети тоже в большинстве случаев воришки, но главным образом их переводят к нам из нормальных приютов за буйный характер. Вторые же,¹⁵ побывавшие за воровство в руках милиции и даже сидевшие в тюрьме являются уже вполне детьми с

со слов воспитанников д/дома, в котором я служу [далее зачеркнуто: представляют из себя] дают некоторые сведения, не только [далее зачеркнуто: из] бытового характера, но при ближайшем знакомстве с ними рисуют нам мирозерцание [далее зачеркнуто: подонков] паразитов общества[,] воров, из среды которых вышли мальчики, волею судьбы, ставшие моими знакомыми.

¹⁰ Далее зачеркнуто: *же; детей*

¹¹ Переправлено, было: *наполнившие*

¹² Далее зачеркнуто: *некоторые*

¹³ Далее зачеркнуто: *или контрационным (sic!) лагере*

¹⁴ Далее зачеркнуто: *Дети оставшиеся круглыми сиротами в чужом краю сделались детьми улиц, другие попали в приюты*

¹⁵ Далее зачеркнуто: *попавшие*

воровскими наклонностями. Мальчики,¹⁶ сначала лишившиеся надзора родителей, или родственников, отдавались в приюты, там они росли приблизительно до 11–12¹⁷ л. еще сохранившимися, но потом вследствие различных влияний товарищеской среды, портились переходили из приюта в приют, попадали на улицу и здесь уже жили совсем самостоятельно. Улица делает таких детей почти без исключения всех карманными воришками. Кроме этого промысла прибыльного, хотя далеко не безопасного, они решаются и на более отчаянные вещи. Подломать замок, залезть в чужую квартиру и утащить оттуда нередко последнюю ценность хозяев, для некоторых из них не представляет ничего невозможного. Другие из них не так испорченные занимаются спекуляцией. Для этой цели отправляются за сотни верст, конечно летом, зайцем проезжая по железной дороге, запрятавшись в какой-нибудь ящик под вагоном. Дети, жившие вполне самостоятельно и независимо ни откого трудно уживаются в приютах, куда их загоняет зима. Не терпя не малейшего стеснения, они бегут от туда еще зимой, а с наступлением весны их удержать еще труднее. Летом приют не заманчив для таких детей; летом для них полное раздолье вне его, особенно, когда оживляется Волга. Главное место их наживы — это базар. Здесь легче и в карман залезть и стащить какую-нибудь вещь у зазевавшегося торговца, или простоватого крестьянина. Они промышляют и на вокзале и на пристани, где предметами съестного, где при случае и кошельком. Так летом, но зимой для них, особенно для младших, трудновато. Холод загоняет в квартиры, что при их промысле совсем не безопасно. Помоложе идут в приюты, постарше пристраиваются где-нибудь на квартире. Есть такая хозяйка квартир, которые заведомо принимают к себе зимой таких мальчуганов. Одно время я думал, что эти мальчики злейшие враги всех мелких базарных торговков, но когда я такое мнение высказал одному воспитаннику нашего дет/дома, тот мне сообщил, что наоборот с мелкими-то торговками они как раз и в дружбе. Например, последние дают им займы и денег и предметы своей торговли и редко ошибаются в хорошем вознаграждении, когда должнику повезёт «фарт», т. е. удача. И вот оказалось,¹⁸ что эти-то торговки и дают приют на зиму подобным детям.¹⁾

¹⁾ *Некоторые дети и подростки, особенно которым незнаком здешний город, а в приют им не имеется желания проживают на постоялых дворах, где-нибудь в темных углах Саратова, т. наз. «Шалманах». Эти Шалманы помещаются где-нибудь в подвале, снимаются за известную плату в полное распоряжение подобного сорта людей. Там пристанище имеют уже и взрослые «дяденьки» которые*

¹⁶ Далее зачеркнуто: зараженные воровскими наклонностями, конечно,

¹⁷ Исправлено, было: 12–13

¹⁸ Переправлено, было: оказывается

и руководят детьми и подростками в сфере воровских обычаев и воровского промысла. С «шалманами» не теряют связи и некоторые из[э] наших детей.

Несколько таковых детей и подростков живут и в нашем д/доме. Они являются авторитетом для остальных детей и их коноводами. Они то и принесли с собой свои воровские песни и взгляды, оправдывающие их промысел.¹⁾

¹⁾ *Между прочим, ими же распространялся в д/доме особый жаргон настолько отличный от обыкновенной речи, что для непосвященного непонятен смысл их разговора. Жаргон этот дети стараются скрыть держать в тайне, поэтому весьма трудно добиться значения того, или иного выражения.*

Можно было бы еще много сказать о жизни детей, но имея задачу сообщить некоторые песни, которые поют они, я должен остановиться более на последнем, причём центром внимания¹⁹ уже будет жизнь, не детей, а взрослых преступников с их взглядами и стремлениями, выраженными в их собственных песнях.

Одна песня до некоторой степени нам рисует картину постепенного²⁰ обращения ребенка в вора. За²¹ ним сначала следят и воспитывают родственники потом он порывает с ними и с возрастом становится настоящим громилой.²² Для иллюстрации я привожу ее полностью вниманию слушателей.

Песня 1-я.) Песня, как видите составлена в воровской среде и притом воров,²³ взятым на военную службу. Чувствуется какая-то безшабашность. С легким сердцем вспоминаются детство, заботливые родственники, желавшая, что бы из ребенка вышел хороший человек. Как видно из приведенной песни перспектива воровской карьеры рисуется с каким-то внутренним довольством. Все опасности такой жизни суд, тюрьма и т. п. испугаются в глазах вора полной ухарской решимостью²⁴ безбоязни, пустить в ход «финское перо» ему какое-то особое удовольствие доставляют со стороны других к нему²⁵ страх, даже родного брата. Готовность на что угодно, удалой взлом чужой квартиры и²⁶ полная нераскаянность в совершенном преступлении.²⁷ Ироничное отношение к заключению трибунала. Видно, что вор преступник думает «Ничего, мол, посижу отчего не посидеть, но уж потом мы свое возьмем» —

¹⁹ Далее зачеркнуто: моего

²⁰ Далее зачеркнуто: образования

²¹ Далее зачеркнуто: которым

²² Далее зачеркнуто: Эта песня, содержание из

²³ Далее зачеркнуто: солда

²⁴ Далее зачеркнуто: не боясь ничего

²⁵ Далее зачеркнуто: боязнь

²⁶ Далее зачеркнуто: даже

²⁷ Далее зачеркнуто: Насмешливое

Вот, что воспевается в этой песни. К сожалению мотив²⁸ песни я не запомнил, но как помнится она поется в такт шага, при чем особенно удачно — это в конце каждого куплета прибавки «Раз! Два!» Поется²⁹ несколько грустно, задумчиво,³⁰ чувствуется, что марширующий солдат вспоминает об своих товарищах и вольной жизни от которой его оторвала военная служба.

(Вторая)

Другая песня³¹ здесь³² совсем уж иронически рисуется картина суда причем полное отсутствие раскаяния обнаруживается более ярко. Воры на суд в данном случае смотрят, как на какую-то комедию, самих судей считают не лучше себя. [2 слова нрзб.] они, прямо на виду, одного называют вором, другого карманным обителем не все-ли равно как воровать? Как судьи, или как они, и стоит-ли судить и наказывать — все равно не исправишь. Оправдали — они опять за свое и опять попались.

Более всего рисует³³ убеждение вора громилы в том, что жить нужно паразитом общества, на чужой счет, не смотря на грозящее наказание.³⁴

(Третья)

В беседе с одним старшим воспитанником на мой вопрос «почему он не хочет жить честно, своим трудом добывать себе хлеб и быть гарантированным от тюрьмы и даже наказания смертью?» Он мне ответил³⁵ по содержанию приблизительно так. Не всели равно как жить честно или паразитом общества, все равно мы все умрем. А то, что вы честно трудитесь из года в год, едва сводя концы с концами, так это совсем несоблазнительно, не лучше-ли жить, как мы живем, не трудясь, весело безопасно. Уж если оторвешь порядочный кусочек — так кути себе во всю. И оденешься ты не хуже других и так-же, как и все другие граждане выйдешь погулять в тех же липках, сходишь в театр, в ресторан и т. п. вышло все — опять выходи на работу. Правда все это опасно, но за то уж в случае удачи весело и главное свободно. Если я на свободе, то что хочу, то делаю, куда хочу, туда и еду — документов наделаю не хуже настоящих. Если и придется умереть раньше, так что-же? За то и пожил как следует. А если доживу лет до сорока или пятидесяти, то возьмусь и за какую-нибудь работу и при случае

²⁸ Далее зачеркнуто: *этой*

²⁹ Далее зачеркнуто: *мотив*

³⁰ Переправлено, было: *грустный, задумчивый*

³¹ Далее зачеркнуто: *по настроению походит на первую, привожу и ее*

³² Далее зачеркнуто: *вторая по*

³³ Далее зачеркнуто: *настроение*

³⁴ Далее зачеркнуто: *следующая песня*

³⁵ Далее зачеркнуто: *, что*

использую и старые пути заработка, как вот напр.³⁶ Он привел мне в пример несколько его знакомых часовых мастеров, которые занимаясь своей работой, в тоже время, с большей, конечно, осторожностью,³⁷ <...>

... среди воров распространена песня, которая ими перенята по всей вероятности от матросов. (шестая) Сюжет ее, как видите очень простой, так что останавливаться на ней небуду. В ней, как и в предыдущей выражено положение обманутой девушки.³⁸ Далее в довольно безобразной песне выражается тяжелая жизнь вора,³⁹ когда на него сыпятся неудачи. Все злобу свою он грозит выместить на своей сожительнице. (седьмая) здесь уже нет⁴⁰ веселого ухарства безшабашного громилы. Вор все свои неудачи приписывает своей «милой». Вся его энергия в минуты меланхолии, посещающей его в тяжелом заключении, выливается в необузданной ненависти к виновницы его несчастья, которая послала его воровать.

Следующая песня, переделанная из известной песни «Солнце всходит и заходит», по всей вероятности, поется когда воры на веселе. (восьмая)

Последняя песня, из всех предлагаемых вниманию слушателей заимствована также, как и предыдущая из общераспространенной. Большинство песен, в которых изображаются чувства заключенного, как напр. песни «Сижу за решеткой», «Солнце всходит и заходит», «Вспомню, вспомню» и др. все они целиком или с незначительными изменениями поются в воровской среде. Приведу только одну из них. (девятая)

Вот, собственно, и все что я хотел сообщить.⁴¹

Но все-таки прежде, чем закончить свое сообщение я считаю нужным дать некоторую характеристику двум воспитанникам,⁴² давших мне возможность записать песни, которые пред вами сейчас продемонстрированы.

Оба они имеют уже около 16 лет от роду каждый. Первый Ткачук Филипп или как его прозвание «филин». — Субъект довольно-таки не симпатичный, убежденный, т. сказать, сторонник существования на чужой счёт. Много раз уже попадался в руки милиции и сидел в тюрьме. На зиму решил поселиться в приюте, но с весной, как он говорит, отправиться подальше от наших мест, где его здесь вся милиция великолепно знает. Думает с этого вре-

³⁶ Далее зачеркнуто: *нек[оторые]*

³⁷ Далее отсутствует одна страница, 8-я по пагинации Козина.

³⁸ В оставшейся части доклада Козин указывает номер комментируемой песни не перед посвященным ей абзацем, а в середине или в конце его.

³⁹ Далее зачеркнуто: *и его*

⁴⁰ Далее зачеркнуто: *безусловно*

⁴¹ На следующей строке написано и зачеркнуто: *Не считая себя*

⁴² Далее зачеркнуто: *которые дали*

мени бросить мелкое воровство, а уже начать по настоящему «отрывать куски», т. е. загребать тысячи. От него я⁴³ кое-что узнал из жизни воров и из их мирозерцания. Несмотря на то, что Ткачук по происхождению малоросс, он вопреки своим собратьям по национальности имеет довольно дикий голос. Другой воспитанник Жуков Семён — по прозвищу⁴⁴ «Жук» гораздо симпатичнее — свозрастом он начинает задумываться и о лучшей жизни, чем воровская карьера. По происхождению — Петроградец. Парень уравновешенный. Воспитанники остальные прямо любят его, что по отношению к Ткачуку совсем не наблюдается. Голос имеет довольно плохой (по всей вероятности по причине переходной стадии), но поет с чувством.

Хорошаго, конечно, исполнения песен я ни от того ни от другого не слышал,⁴⁵ так что и впечатления должного, к сожалению, не получил, поэтому в докладе и ограничился такою некоторой характеристикой почти одного внутреннего содержания песен.

(1)

Все родные мои тетки —
Все голубили меня,
И в школу отдали учиться,
Что б вышел мальчик не плохой. Раз! Два!

Когда мне стало лет двенадцать
Вскоре помер мой отец —
Не стал я матери бояться
И стал я уличный беглец. Раз! два!

И по трактирам стал я шляться,
Стал водочку любить,
И воровать я научился —
Пошел по тюрьмам жить. Раз! два!

Первый срок сидел немного
Четыре месяца всего
Когда я вышел на свободу
Не стал бояться ничего. Раз! два!

Имел ключи, имел отмычки
Имел и «финское перо»¹⁾
И не боялся ни с кем стычки:
Убить, зарезать — хоть бы что! Раз! два!

А старший брат был суровый,
За мной хотел он подследить,
А как узнал, что я ворую,
Боялся близко подходить. Раз! Два!

⁴³ Далее зачеркнуто: *много*

⁴⁴ Далее зачеркнуто: *просто*

⁴⁵ Далее зачеркнуто: ([зачеркнуто: *но отличное*] *полное впечатление произвели на них эти песни, когда они их слышали сами во время своего знакомства с тюремным заключением, по их рассказам*)

Когда сравнялось мне лет двадцать
Меня в солдаты замели
И первый год казалось трудно.
Нашел дорожку, как уйти. Раз! Два!

И приезжаю я в Саратов —
Все товарищи в кружок.
Шинель казенную я продал,
На смену — вольный пиджачек. Раз! два!

Не стал я ночи дожидаться,
И взял я в руки долото,
В чужую хату я забрался
И стреском выставил окно! Раз! два!

И сторож спал но вдруг проснулся
И мигом запер ворота
Откуда взялись два «мента»²⁾
Меня связали молодца. Раз! Два!

И привели меня в «Лягавку»³⁾
«Лягавый» дело разобрал,
Когда узнал, что я военный
Меня отправил в Трибунал. раз! два!

А в трибунале жить неплохо —
Полфунта хлеба, кипяток!
И прислуга дармовая,
В каждой камере звонок! раз! два!

¹⁾ финский нож

²⁾ милиционера

³⁾ Уголовную милицию

(2)

На соборе часы бьют —
Нас в окружной суд ведут;
Привели нас в чисто зало, —
Там сидят судей не мало.

Как по правой — прокурор.
По глазам он чистый вор;
А по левой — «преседатель»,
Он карманный обиратель.

Господа прошу я вас —
Оправдайте в жизни раз.
Оправдать-то оправдать,
Надо денежки отдать.

В «Завещальную» зашли
Оправдательну нашли.
Благодарю судьи я вас —
Оправдали в жизни раз.

Как с окружного суда
Да извощика сюда
Ты извощик — в ресторан!
Ты ли Ванька? — я в карман.

Мы к буфетчику подходим
И каклеточков закажем
Эй, ты, старый седина,
Дай нам лучшего вина!

Горько пили, сладко ели —
 К вечеру опять «сгорели»¹⁾
 На соборе часы бьют —
 Нас опять в тюрьму введут.
 Ты привратник отпирай
 Арестантов принимай.
 Арестантов принимай
 «Пайку» хлеба выдавай.

¹⁾ попались

(3)

А мы воры-то слава-Богу!
 А мы не сеем и не жнем
 И за проезд-то мы не платим —
 Пьем, гуляем и поем!

А чудачки трудятся вечно
 Без отдышки круглый год,
 А мы живем совсем безопасно
 И беззаботный мы народ!

По карманам любим шарить
 Любим «громки»¹⁾ и «скачки»²⁾
 А как поймают, начнут «шпарить»³⁾
 Лишь поспевай ловить «тычки»⁴⁾

А за карман — сейчас к «Мирошке»⁵⁾
 А за «скачек» — сейчас «кича» (тюрьма)
 А иногда момент бывает
 Что нет ни денег, ни «брахла»⁶⁾

А «диковка»⁷⁾ донимает,
 Лишь язык свой на обед.

¹⁾ грабег с насилием

²⁾ В[з]ломать замок при случае или обдуманый взлом
 (от выражения: «наскочить на замок»)

³⁾ бить

⁴⁾ пинки, удары

⁵⁾ мровой судья

⁶⁾ одежда, поношенная

⁷⁾ голодовка

(4)

Не рассказать ли вам, ребята,
 Про двух удалых молодцов.
 Глубоким сном тюрьма объята,
 Не слышно шума голосов.

Не слышно песен запоздалых
 Не слышно стражи у дверей
 Лишь два кандальника удалых —
 Они не спят — им не до сна.

Бежать, бежать они решили,
 На волю Божию гулять!
 Довольно здесь мы погостили
 Пора уже совесть крепко знать!

С начальством надо распротиться
 За хлеб, за соль благодарить,
 И в головы стелить постели,
 Оковы на ноги надеть.

И в ту же ночь они решили
 В решетке сделали пролом
 А утром рано на развете
 По всей Москве пошел набат.

Что из Бутырского острога
 Ушли два важных молодца.
 Ищи, ищите в поле ветра
 Дай Бог им больше погулять!
 А Бутырского острога
 Дай Бог им больше не видеть.

(5)

Не ходи, ты, так вечером поздно,
 Не води за собой «фраеров»¹⁾
 Не доверяйся, ты, сердцу чужому
 А «жультана» любить погоди.

Тебя будет ...⁴⁶ барин, татарин
 Нажимать твою нежную грудь
 Тебя будет и «стопор»²⁾ — безбужник,
 И «шармоган»³⁾ в три погибели гнуть.

Еще крошкой в работу попала
 Семи лет фабриканшей жила.
 А шестнадцати лет уж пропала
 Я ругалась, курила, пила.

Насулят тебе горы богатства,
 Не имея в руках пятака,
 Над тобой будет всякий смеяться
 И пойдешь ты вокруг⁴⁷

Не судите меня, вы подруги,
 Не считайте меня за разврат,
 Черезчур были бедны родные —
 Денег надо было добывать.

И куда ж ты под старость годишься
 Будешь⁴⁸ лечиться и гнить,
 И пойдешь ты той пыльной дорогой
 Под окном «Христа-ради» просить.

И пойдешь ты прямою дорогой
 Попадешь ты в дешевый⁴⁹
 Торговать ты там будешь собою,
 А наш брат будет ...⁵⁰ за пятак.

⁴⁶ Здесь и далее все отточия на месте «непечатных» (по мнению собирателя) слов сделаны Козиным. Судя по всему, количество точек строго соответствует количеству букв в слове. В данном случае, вероятно, пропущено *еть*

⁴⁷ Вероятно, пропущено *бардака* (в исконном значении 'публичный дом', производное от «бордель»).

⁴⁸ Вероятно, пропущено *блядью*

⁴⁹ Вероятно, пропущено *бардак*. См. прим. 32.

⁵⁰ Вероятно, пропущено *еть*

А, вы клавиши, пойте и пойте,
А, вы звуки, неситесь быстрее,
И вы Богу всю тайну откройте
О несчастной той жизни моей.

¹⁾ Фраер, жульман — последний обозначают человека из воров, первый наоборот человека свободного.

²⁾ От слова «стоп» — остановить.

³⁾ Жулик

(6)

Течет речка по песку
Вдоль реки — потока
А за девицей матрос
Гонится далека.

Вы матросы молодые
У вас легки шлюпки
Подарите мне одну
Сяду в одной юбки.

Говорила дочка мать
Слушай дочь совета
Матрос замуж не возьмет
Вспомнишь ты про это.

Не послушаю я мать
Твоего совета
Я с матросом молодым
Еду на край света.

Прошел год, прошел другой
Красотке унылой.
На руках у ней дитё —
Матросенок милый.

Ты прости, прости мамаша
Прими дорогая
Он вырастит — будет звать
Бабушка родная.

Ты ступай, ступай туда,
С кем совет держала
Моего совета ты
Слушать не желала.

Дочь заплакала, пошла,
К своему матросу.
Ах, матрос, милый матрос,
Зачем изменяешь?

Если была бы одна —
Маяться не стала
На руках твое дитя —
Я совсем пропала.

Течет речка по песку
И на горку льется
Любил девицу матрос,
А теперь смеется.

(7)

В пересыльном большом замке
Два преступника сидят
Они молоды собою
Про свободу говорят.

Распрощался я с друзьями
Еду с «фартом»¹⁾ я домой
Приезжаю я на «хитрый»
Думал там найти покой.

Заказал я пару пива
Полбутылочки винца
Сидит милая на нарах
Побледнела как стена

Ах ты —!⁵¹
Раздевайся ложись спать;
Завтра рано, на развете,
Будем выручку считать.

Открываю потайную
Там два шулера сидят
Один «мечет» под ботинки
Другой «мечет» под пинжак.

Проигрался я до нитки
Стал у занимать
Она — такая
Посылает воровать.

Вы скажите моей,
Что я снова осужден
На два года с половиной
И особых прав лишон

Нет ни сахару, ни чаю
Так на окошке просижу,
А как выйду на свободу
За все отомщу.

Руки, ноги перломаю⁵²
На ...⁵³ голову сломаю
И в мясницкую отправлю —
Сам опять в Сибирь пойду.

А сибирские ворота
Для нас всегда отворены
И все каторжны работы
На нас всегда возложены.

¹⁾ Карточная игра

⁵¹ Здесь и далее в этой песне на месте отточий, заменяющих инвективы из пяти букв, могли быть слова *блядь, курва, падла, тварь, шмара*, на месте шести точек — скорее всего, *шалава*.

⁵² Скорее всего, второе «е» пропущено Козиным не случайно, а с целью передать манеру проговаривания этого слова исполнителем песни.

⁵³ Вероятно, пропущено *хуй*

(8)

Солнце всходит и заходит
А в кармане не гроша
Нигде «номер» не проходит
А, эй! да, эй!

Выпить хочется ей-ей.
Мы на днях в ломбард ходили
Что б костюм свой заложить
Нас отсюда попросили
А, эй! да, эй!

Проводили до дверей.
Как хотите, вы судите
Нам теперь все равно
Лишь на «сотку»¹⁾ подарите
А, эй! Да, эй!

Выпить хочется давно.
Эх, ты «сотка», моя «сотка»
Где скажися ты теперь
Где ты милая красотка
А, эй! да, эй!

Выпить хочется ей-ей!

¹⁾ кажется шкалик водки

(9)

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня
Чернобровую девицу,
Черногривого коня.

Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскачу,
И как вихир полечу.

Но в тюрьме окно высоко,
Дверь тяжелая с замком,
Черноокая далеко
В пышном тереме своем.

Конь гуляет в поле,
Без узды один на воле,
Ходит весело ретив
Хвост по ветру распустив.

Одинок я — нет отрады,
Стены голыя кругом,
Только светит луч лампы
Умирающим огнем.

Только слышно за дверями,
Тихо мирными шагами,
Вечер полночный, ночной,
Бесприютный часовой.

[10]

Вечер вечерест
Чеснок бежал домой
А Васинския парни
Кричат чеснок постой
Чеснок остановился
И вся семья кругом.

Убейте, чем хотите,
Но только не ножом.

Два парня подскочили
И сшибли его с ног;
Два острых кинжала
Вонзились ему в бок.

Ромашка, брат Ромашка,
Вступися за меня!
Ромашка отвечает
Порезан брат и я.

Вот Колька подбегает
Ромашку он бирет
И раны зажимает,
А кровь сильней течет.

Извошик, ты извошик,
Вези меня скорей —
Я кровью истекаю
От Васинских ножей.

Привозили их в больницу
И клали на кровать
Два доктора и фельшир
Старались жисть спасать.

Спасайте, не спасайте —
Мне жисть недорого
Щитался атаманом,
А дрался без ножа.

Вот утро наступает
Все на базар идут,
А Чеснока с Ромашкой
На кладбище везут.

Вот черный гроб на дрошках
Косматый впириди
А Васинские парни
Кричат: «Чеснок прости»

Чья эта могила
Так пышно убрана —
А сторош отвечает:
«Ромашки» и «Чеснока»

Записана в д/доме им. Достоевского от воспитан-
ника Яковенко.
18/ XII — 1921 г.

Комментарии

К докладу П. Козина

зайцем проезжая по железной дороге — то есть без билета.

Коновод — лидер, главарь.

Громила — вор-взломщик.

пустить в ход «финское перо» — *Перо* — нож. Финский нож (финка) — особый тип ножа, с прямым или закругленным скосом с тупой стороны лезвия, получивший широкое распространение в России с начала XX века. Изначально такие ножи действительно производились в Финляндии, но впоследствии «финским» стал называться практически любой нож подобной модели вне зависимости от места изготовления, и у русских финских ножей даже появились характерные особенности (например, наличие на лезвии продольных желобков).

выйдешь погулять в тех же липках — «*Липки*» — городской сад в центре Саратова, заложен в 1824 г.

К текстам песен

1. Все родные мои тетки...

Воровская песня, по-видимому широко бытовавшая в 1920-е годы (см.: Джекобсоны 1998: 30–34). М. и Л. Джекобсоны пишут: «Несмотря на то, что представленные два варианта записаны одним и тем же человеком в Иркутской тюрьме в 20-е годы, мы относим время создания песни к дореволюционному периоду по словам: пристав, участок <...>» (Там же: 33). Тот факт, что песня бытовала среди беспризорников уже в 1921 году, в некоторой степени подтверждает это предположение. В те же годы она имела хождение и в крестьянской среде. Так, в материалах экспедиции Б.М. Соколова в Петровский уезд встречается ее вариант, включающий в себя характерный для тюремной лирики мотив попадания в неволю по вине женщины («В одну несчастную влюбился / И через нее в тюрьму попал») (Фольклорный материал 1923: Л. 59). Отметим, что любовный сюжет для данной песни едва ли исконен, он мог прийти в крестьянский вариант из другой, бытовавшей в то же время в том же Петровском уезде и совпадающей по стихотворному размеру, образу лирического героя (молодой заключенный), автобиографичности повествования и т. п., ср.:

Я мальчишка был свободен
Не знал горя ни нужды
Родные все меня любили,
Баловали, как дитя
Баловство меня сгубило,
Сбился с праведной пути.

В одну несчастную влюбился,
И через нее я пострадал.
С московским замком я спознался,
В котором 3 года сидел

(Фольклорный материал 1923: Л. 63; см. также: Кулагина, Селиванов 1999: 431, № 469).

Пятый куплет публикуемого текста связывает его еще с одним произведением тюремно-воровской песенной традиции: практически в том же виде, иногда с расхождением первого стиха (*Имел ключи, имел отмычки...* — «Имел гитару тонку, звонку...»), эта строфа присутствует в известной воровской песне, публиковавшейся в песенниках уже в 1910-х гг. (см.: Джекобсоны 1998: 121–124) и также попавшей в крестьянский репертуар жестоких романсов (см., напр.: Адоньева, Герасимова 1996: 252–253, № 218, 219, обе записи от деревенских исполнительниц 1900-х гг. рожд.).

Лягавый — милиционер; сотрудник уголовного розыска.

Полфунта хлеба — то есть около 200 граммов (русский фунт = 409,51 гр.).

В каждой камере звонок! — вероятно, здесь *звонок* — доносчик из числа заключенных.

2. На соборе часы бьют...

Воровская песня, бытовавшая в криминальной среде в 1920-е годы, но возникшая, по всей вероятности, раньше (см.: Джекобсоны 1998: 146–148), известна как песня про двух громил — по отсутствующему в данном варианте первому куплету:

Жили-были два громила — дзень, дзень, дзень,
Один я, другой Гаврила — дзень, дзень, дзень.
Если нравимся мы вам — драла-фу, драла-я,
Приходите в гости к нам — дзень, дзень, дзень

(из рукописного песенника Александра Бергера, Ленинград, который составлялся в период с конца 1950-х по начало 1970-х гг.).

В следующих куплетах этой версии, более известной и более полной, рассказывается о том, как герои совершили ограбление квартиры и были пойманы с поличным, после чего они и попадают в суд. Песня с тем же первым куплетом была использована в фильме о беспризорниках «Путевка в жизнь» (1931), где ее исполняет вор по кличке Жиган (актер М. Жаров), однако из последующих ее строф ни одна не встречается ни в одном из известных нам вариантов. В конце 1960-х или в 1970-х гг. песня про двух громил вошла в репертуар Аркадия Северного, что обеспечило ей большую известность, но именно в той редакции текста, которую использовал певец. Публикуемый текст — не только наиболее ранняя документированная запись песни, но вообще единственный из известных нам полноценных ее вариантов, бытование которого было бы

зафиксировано до исполнения этой песни Северным (так, М. и Л. Джекобсоны приводят два варианта, один из которых взят непосредственно из репертуарного сборника Северного, другой — из архива программы «В нашу гавань заходили корабли», составившегося в 1990-е гг.).

А полевой — «преседатель» — вероятно, имеется в виду председатель суда. Суд присяжных в начале XX века состоял из присяжных заседателей, принимающих решение о виновности или невиновности подсудимого, и одного профессионального судьи, который назывался председателем суда и следил за соблюдением на судебном процессе правовых норм.

В «Завещальную» зашли — скорее всего, имеется в виду совещательная комната, куда удаляются присяжные заседатели для обсуждения и вынесения приговора.

Оправдательну нашли — речь идет либо о самой взятке, оставленной в «завещальной», либо о том, что судьи-взяточники нашли статью закона, по которой можно оправдать подсудимых.

Ты извозчик — в ресторан! / Ты ли Ванька? — я в карман. — смысл второй строки не вполне понятен (в других вариантах куплет начинается так: «Вот заходим в ресторан, / Гаврила — в рыло! Я — в карман!»). Возможно, «Ванька» здесь — имя нарицательное в значении 'извозчик'.

И каклеточков закажем — то есть котлеточек (просторечный вариант произношения и грамматической формы).

Сгореть — попасться на совершении преступления, быть арестованным, задержанным.

Привратник — здесь: тюремный сторож.

Пайка — порция (обычно — хлеба), выдаваемая заключенному в тюрьме.

3. А мы воры-то слава-Богу!

Другие фиксации этой песни нам не известны.

А за карман — сейчас к «Мирошке» — к компетенции мирового суда в начале XX века относились споры по маловажным гражданским делам и некоторые уголовные дела, в частности карманные кражи не в особо крупных размерах.

Громка (громкая) — кража со взломом.

Скачок (скок) — легкая кража; квартирная кража без подготовки.

Брахло (барахло) — старые негодные вещи или краденые вещи, которые можно сбыть за деньги или обменять на еду.

А «диковка» донимает — объясняя значение слова *диковка* как «голодовка», Козин, видимо, имеет в виду не форму протеста, а собственно голод при отсутствии возможности его удовлетворить.

4. Не рассказать ли вам, ребята...

Другие фиксации этой песни нам не известны. Четвертая строка первого куплета «*Не слышно шума голосов*», вероятно, восходит

к «Не слышно шума городского» — начальной строке известного народного романа на слова стихотворения Ф.Н. Глинки «Песнь узника» (1826), который печатался в песенниках с 1850-х годов (см.: Гусев 1988, 1: 312, 610, № 225) и первые два стиха которого были использованы А. Блоком в поэме «Двенадцать» (1918).

И в головы стелить постели... — вероятно, имеется в виду тюремная традиция перед уходом из камеры (при освобождении или переводе в другое место заключения) сворачивать постели со стороны изголовья нар.

Оковы на ноги надеть — эта фраза очевидно выбивается из контекста разговора о предстоящем побеге; вероятно, она появилась в результате искажения исходной строки, противоположной по смыслу.

По всей Москве пошел набат — имеется в виду: разошлось тревожное сообщение (от «бить в набат» — поднимать тревогу).

Что из Бутырского острога / Ушли два важных молодца — Бутырская тюрьма (Бутырка), самая крупная и самая старая в Москве тюрьма, располагается на Новослободской улице, у площади Бутырской заставы. Известна с XVII в., основное здание было построено по проекту архитектора М.Ф. Казакова в 1771 г. как «губернский тюремный замок». С 1868 г. — центральная пересыльная тюрьма, через которую ежегодно проходило порядка 30 тысяч человек. В 1907 г. в Бутырской тюрьме было создано следственное отделение, в 1908 г. — каторжное отделение. После Октябрьской революции 1917 г. также использовалась как следственная и пересыльная тюрьма (позже — Бутырский следственный изолятор). Слово «бутырка» стало нарицательным для обозначения тюрьмы вообще.

5. Не ходи, ты, так вечером поздно...

Другие фиксации этой песни нам не известны. По всей вероятности, она возникла как женский вариант бытовавшей в 1920-е гг. воровской песни, обычно начинающейся строкой «Ах, пойте вы, клавиши, пойте». Лирический герой последней, молодой арестант, рассказывает о том, как нужда привела его в преступный мир, и жалуется на тяготы тюремной жизни:

И вот выпала доля мне злая:

Срок отбыл я в проклятой тюрьме,

Изнурённый болезнью-чахоткой,

Был я выпущен к третьей весне

(Джекобсоны 1998: 125–128; см. также: Маро 1925:

222–223; Адоньева, Герасимова 1996: 203, № 173;

Кулагина, Селиванов 1999: 462, № 507).

При несовпадении больших фрагментов текста, связь этих двух произведений очевидна благодаря общему стихотворному размеру и сходству двух куплетов — «А, вы клавиши, пойте и пойте...» и «Не судите меня, вы подруги...». Важный показатель — и единство

лирического сюжета: записанный Козиным текст тоже представляет собой рассказ о неизбежно тяжелой участи опустившегося на «дно жизни» человека, то адресуемый мужчиной-резонером падшей женщине как предупреждение, то ведущийся от ее лица как покаяние и ламентация (3, 5 и 8 куплеты). Не случайно М.И. Левитина определила ее как «песню, которая может быть вложена в уста и юноши и девушки» (Маро 1925: 222). При этом не исключено, что именно «женская» версия послужила основой для «мужской», впоследствии получившей более широкое распространение. На это косвенным образом указывает употребление в «мужском» тексте в одном из совпадающих куплетов слова «разврат» («Ой, не судите, вы, добрые люди, / Не считайте судьбу за разврат...» (Джекобсоны: 1998: 127)) в нехарактерном значении 'преступная жизнь', тогда как в контексте повествования о судьбе уличной женщины эта фраза выглядит абсолютно уместной. Таким образом, складывается впечатление, что для «женского» варианта весь этот куплет исконный, а для «мужского» чужеродный (эта же строфа попала в жестокий романс об измене милого, см.: Кулагина, Селиванов 1999: 249–250, № 269). Непривычно смотрится и ламентация лирического героя «Куда делся мой прежний румянец? / Куда делась моя красота?»: в мужской лирике в качестве атрибутов утраченной мужской привлекательности обычно фигурируют черные/русые кудри и стать/удаль/ухватка молодецкая.

Фраер — человек, не относящийся к преступному миру; возможная жертва преступления.

Жульман — вор; карманный вор.

Семи лет фабриканшей жила — то есть работала на фабрике.

Стопор (стопорило, стопорщик) — уличный грабитель.

Шармоган (ширмаган) — карманный вор (от *ширма* — 'карман').

6. Течет речка по песку...

Известный жестокий романс, неоднократно записывался фольклористами от деревенских жителей (Адоньева, Герасимова 1996: 78–81, № 59, 60; Кулагина, Селиванов 1999: 171–173, № 176, 177). Хотя, по наблюдениям Козина, эта песня была популярна у воров, к специфическому репертуару криминальной среды, в отличие от всех остальных в его подборке, она не имеет никакого отношения. Единственное, что некоторым образом связывает ее с этой традицией, — почти дословное совпадение стабильной первой строки «Течет речка по песку» с началом одной из популярнейших в XX веке тюремных песен (см.: Джекобсоны 1998: 107–113, «Течет речка по песочечку»), которая, в свою очередь, является переработкой более старой народной песни с тем же зачином и подобным лирическим сюжетом (просьба к начальнику отпустить домой) (Там же: 107).

Сяду в одной юбки — вероятно, имеется в виду готовность девушки убежать с возлюбленным тотчас, «в чем была».

7. В пересыльном большом замке...

Известная воровская песня (см.: Джекобсоны 1998: 28–30; Маро 1925: 206–208). М. и Л. Джекобсоны относят время ее возникновения к дореволюционному периоду на основании использования в тексте слова «замок» ('тюрьма'), в 1920-е гг., по их мнению, уже не употреблявшегося в этом значении.

Пересыльный замок — пересыльная тюрьма (от устар. «тюремный замок»), в которой преступники содержатся в период следствия и после вынесения приговора до отправки по этапу к месту отбывания наказания.

Фарт — удача, успех, везенье.

Приезжаю я на «хитрый» — Имеется в виду Хитровка — исторический район Москвы (на месте современной площади М. Горького), включающий Хитров рынок и расположенные вокруг него кварталы. В конце XIX — начале XX века Хитровка, где располагалось множество ночлежных домов, притонов и трактиров, была одним из основных центров московского преступного мира. «В доме Румянцева были два трактира — “Пересыльный” и “Сибирь”, а в доме Ярошенко — “Каторга”. Названия, конечно, негласные, но у хитрованцев они были приняты. В “Пересыльном” собирались бездомники, нищие и барышники, в “Сибири” — степенью выше — воры, карманники и крупные скупщики краденого, а выше всех была “Каторга” — притон буйного и пьяного разврата, биржа воров и беглых. “Обратник”, вернувшийся из Сибири или тюрьмы, не миновал этого места. Прибывший, если он действительно “деловой”, встречался здесь с почетом. Его тотчас же “ставили на работу”. Полицейские протоколы подтверждали, что большинство беглых из Сибири уголовных арестовывалось в Москве именно на Хитровке» (Гиляровский 1985: 20). Не случайно герой песни, видимо после удачного дела, направляется именно «на Хитрый».

Сидит милая на нарах — вероятно, действие этой сцены происходит в ночлежке.

Открываю потайную — потайная дверь в ночлежке, ведущая в комнату, где играют в карты.

Один «мечет» под ботинки / Другой «мечет» под пинжак — Метать — раздавать карты; играть в карты. Имеются в виду специальные шулерские приемы утаивания карт.

Мясницкая — здесь: больница.

8. Солнце всходит и заходит...

Эта песня под названием «Эх, ты сотка, моя сотка» (иногда с подзаголовком «Босяцкий дуэт») встречается в печатных песенниках начала XX в., один из которых даже назван по ее первой строке.

Публикуемый там вариант, практически полностью совпадающий с саратовским, включает еще один (второй по порядку) куплет:

Ни монетки нет в кармане
 Ну какой ты дуралей,
 Настрелять мы не сумели.
 Да-эх, да-эх!
 Выпить хочется, ей-ей

(Эх ты сотка 1909: III – IV; Могила 1911: 62).

Первая строка и стихотворный размер соответствуют известной тюремной песне, начинающейся куплетом «Солнце всходит и заходит, / А в тюрьме моей темно. / Дни и ночи часовые / Стерегут мое окно» (см., напр.: Гусев 1988, 2: 424, № 800 и прим.: 499; Джекобсоны 1998: 104 – 106), использованной М. Горьким в песне «На дне» (1902), что, вероятно, сообщило ей еще большую популярность. С текстом песни-прототипа публикуемый текст связывает также строка *Как хотите вы судите* (ср.: «Как хотите стерегите»), а с особенностью его исполнения — повторяемое между третьей и четвертой строкой каждого куплета восклицание «А, эй! да, эй!» — ср.: «да, э-эх!» в варианте, опубликованном в 1890 (Джекобсоны 1998: 104); «э-эх!» в песне Горького.

Сотка (то же, что *чарка*) — русская мера объема жидкостей, применявшаяся до введения метрической системы мер и равная одной сотой ведра (отсюда название) или 0,12299 л.

Нигде «номер» не проходит — то есть не получается ничего украсть или добыть денег другим способом.

9. Отворите мне темницу...

Известная тюремная песня на слова стихотворения М.Ю. Лермонтова «Узник» (1837). По данным В.Е. Гусева, стихотворение было положено на музыку шестнадцатью композиторами, публикуется в песенниках с 1850-х годов, в среду заключенных песня попадает не позднее 1860-х годов, поскольку информация о ее исполнении содержится уже в книге С.В. Максимова «Сибирь и каторга» (1871) (Гусев 1988, 1: 627, прим. к № 340). В публикуемом варианте расхождения с лермонтовским оригиналом многочисленны, но незначительны: *чернобровую* вместо «черноглазую», *И как вихир полечу* вместо «В степь, как ветер, улечу», *Ходит весело ретив* вместо «Скачет, весел и игрив» и т. п. По-видимому, некоторые из них возникли под влиянием языка крестьянского фольклора, а также текстов других широко известных произведений русской поэзии.

10. Вечер вечерет...

Последняя песня, судя по комментарию Козина и тому, что у нее отсутствует нумерация, была записана им и вложена в папку дополнительно. Повсеместно распространенная в XX веке песня (во многих региональных вариантах имя героя — не Чеснок, а

Аржак), данная фиксация на сегодняшний момент самая ранняя из известных нам. Факт исполнения воспитанником «д/дома нравственно-дефективных детей» можно расценивать как дополнительное указание на то, что эта песня, в которой описывается расправа одной уличной шайки с атаманом другой и упоминается принятый в этом сообществе кодекс чести (*Шитался атаманом, / А дрался без ножа*), изначально бытовала среди воров и беспризорников. М. и - Л. Джекобсоны, при внушительном количестве просмотренных ими печатных источников, «не нашли эту песню ни в одном из сборников» и приводят всего два неопубликованных ее варианта (Джекобсоны 1998: 130–131). Дело в том, что бытование песни про Чеснока уже в 1920-е гг. вышло за рамки криминальной среды (так, в 1926 году эта песня была записана от мальчика 13 лет в деревне Вершинино Томской губ. (Песни и пословицы 1925–1926: Л. 9, № 14)), а впоследствии песня и вовсе исчезла из воровского фольклора и прочно вошла в общегородской и крестьянский репертуар жестоких романсов. Вследствие такой смены среды бытования песня о Чесноке / Аржаке неоднократно записывалась различными фольклорными экспедициями в деревне и печаталась в соответствующих изданиях (см., напр.: Пухова 2002: 19, № 35; Кулагина, Селиванов 1999: 469, № 514), но не попадала в публикации тюремного и воровского фольклора, на которые в основном опирались Джекобсоны.

По всей вероятности, и мелодия, и текст песни восходят к одному из самых популярных в России XX в. жестоких романсов, известному под условным названием «Маруся отравилась», публикация которого в песенниках прослеживается с 1912 г. (Мордерер, Петровский 1997: 348, комм. к № 318). На это родство указывает не только совпадение поэтического размера, но и близкое соответствие текста зачина и куплетов о больнице, похоронах и кладбище, ср.:

Вечер вечерет, на фабрику идут.
 Маруся отравилась, в больницу приведут.
 В больницу приводили и клали на кровать,
 Два доктора с сестрицей старались жизнь спасти.
 «Спасайте — не спасайте, мне жизнь не дорога.
 Я много любила, такого подлеца».

<...>

Вечер вечерет, все с фабрики идут,
 А бедную Марусю на кладбище везут.
 Белый гроб и дроги, священник впереди,
 А сзади бежит милый, кричит: «Маня, прости!»

(Адоньева, Герасимова 1996: 150–151, № 113).

Можно представить себе и обратную ситуацию: герой заменяется героиней, наложившей на себя руки, удаляется сюжет хулиганской разборки — и песня про убитого атамана Чеснока превращается в столь же мелодраматичный романс с типичным сюжетом

самоубийства девушки от несчастной любви. (Сопоставлению песен о Марусе и о Чесноке посвящена отдельная статья (Размахнин 2005), опирающаяся на несколько вариантов песни, ни один из которых не приводится. Автор статьи придерживается мнения о «Марусе...» как первоисточнике.)

А Васинские парни — именование врагов героя *васинскими* воспроизводится только в одном из известных нам вариантов этой песни (В нашу гавань 2001: 21). В остальных шайка «приписывается» к различным населенным пунктам («грузинские», «грозненские», «ласкински», «орошенски» и проч.), по-видимому, актуальным для мест, в которых исполняется песня.

Ромашка, брат ромашка, / Вступи за меня! — фигура товарища Чеснока Ромашки (уменьшительная форма имени Роман), разделившего участь своего атамана, в других известных нам вариантах как таковая отсутствует. При этом некоторые тексты сохранили единичные упоминания о Ромашке, вне присутствия его как отдельного персонажа выглядящие непонятно. Так, в упоминавшемся выше томском варианте на вопрос: «Чья это могилка / Так пышно расцвела?» — сторож отвечает: «Ромашки-Чеснока», — из чего можно заключить, что это два имени одного лица; в другом тексте, где при отсутствии других упоминаний сохраняется фраза «А Чеснока с ромашкой / На кладбище несут», речь как будто бы вообще идет не о человеке, а о трогательном полевом цветке на груди у покойника (В нашу гавань 2001: 21).

Косматый — священник.

Ссылки

- Адоньева, Герасимова 1996 — Современная баллада и жестокий романс / Сост. С. Адоньева, Н. Герасимова. СПб., 1996.
- Акимова и др. 1984 — Т.М. Акимова, В.К. Архангельская, В.А. Бахтина. Борис Матвеевич Соколов // Методология и методика изучения русской литературы и фольклора. Саратов, 1984, с. 54–84.
- Бахтина 2000 — В.А. Бахтина. Фольклористическая школа братьев Соколовых (Достоинство и превратности научного знания). М., 2000.
- В нашу гавань 2001 — В нашу гавань заходили корабли. Песни / Сост. Э.Н. Успенский, Э.Н. Филина, Е.Е. Позина, вып. 4. СПб., 2001.
- Гиляровский 1985 — В.А. Гиляровский. Москва и москвичи. М., 1985.
- Гусев 1988 — Песни русских поэтов: В 2 т. / Вступ. статья, биограф. справки, сост., подг. текстов и примеч. В.Е. Гусева. Л., 1988.
- Джекобсоны 1998 — М. Джекобсон, Л. Джекобсон. Песенный фольклор ГУЛАГа как исторический источник (1917–1939). М., 1998.
- Кулагина, Селиванов 1999 — Городские песни, баллады, романсы / Сост., подг. текстов, комм. А.В. Кулагина, Ф.М. Селиванов. СПб., 1999.
- Маро 1925 — Маро (М.И. Левитина). Беспризорные. Социология. Быт. Практика работы. М., 1925.

Могила 1911 — Могила: Сборник романсов и песен. М., 1911.

Мордерер, Петровский 1997 — Русский романс на рубеже веков / Сост. В. Мордерер, М. Петровский. Кисв, 1997.

Песни и пословицы 1925–1926 — Песни и пословицы, собранные студентами среди населения Томской области 1925–1926 г.г. // Архив Томского областного краеведческого музея, оп. 4, д. 90.

Пухова 2002 — Городской романс и авторская песня: Песни, интервью, исследования / Науч. ред. и сост. Т.Ф. Пухова. Воронеж, 2002.

Размахнин 2005 — А.М. Размахнин. Механизмы порождения и функционирования текстов песен литературного склада; на материале «гнезда» песен «Маруся отравилась» [Электронные данные]. Электрон. ресурс. Режим доступа: <http://www.ruthenia.ru/folklore/folklore-laboratory/Razmahnin.htm>. — Загл. с экрана.

Фольклорный материал 1923 — Фольклорный материал. Песни весенние, солдатские, тюремные и др. записанные участниками экспедиции профессора Соколова в Петровском уезде в 1923 году // Научный архив [ф.] № 61а Саратовского областного музея краеведения, оп. 1, ед. 64.

Эх ты сотка 1909 — Эх ты сотка, моя сотка: Сборник песен. М., 1909.